

ПЕРМСКО-УГОРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ УГОРСКОГО УЧАСТИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПРЕДУРАЛЬЯ

В археологической литературе широко распространены построения об угорской принадлежности создателей тех или иных памятников железного века и раннего средневековья Предуралья и Прикамья и, соответственно, о значительной роли угров в этнической истории данного региона, основанные исключительно на данных археологии. С точки зрения исследователя-историка кажется совершенно очевидным, что при отсутствии каких-либо письменных памятников с этой территории и при весьма сомнительной перспективе их обнаружения эти построения не могут иметь доказательной базы. Никакие археологические материалы не могут служить источником для определения языка оставившего их населения. Этим источником могут являться только письменные памятники. Однако, как показывает опыт, для многих коллег-археологов это обстоятельство отнюдь не очевидно. Поэтому представляется необходимым сделать несколько предварительных замечаний, прежде всего — по поводу терминологии. Кому-то они, вероятно, покажутся тривиальными, но, видимо, состояние современной гуманитарной науки в целом, к сожалению, дошло до той точки, когда в научных публикациях приходится объяснять азбучные истины.

Термин *угры*¹, *угорские (языки, народы)* возник в XIX веке² для обозначения группы родственных языков и говорящих на этих языках народов: венгров, манси и хантов. Угорские языки в рамках финно-угорской группы образуют общность второго порядка и противопоставляются финно-пермским языкам. Единственным признаком, объединяющим эти три народа, является язык: ни в духовной или материальной культуре, ни в расовых типах этих народов невозможно выделить какой-либо комплекс черт, которые были бы общими для всех трех и при этом отличали бы их от русских, удмуртов, татар и других. Совершенно аналогичный характер имеют термины *индоевропейцы*, *финно-угры*, *балты*, *германцы*, *самодийцы* и т. п.: все это изначально суть **лингвистические термины**, созданные в лингвистике и никакого содержания, кроме лингвистического, не имеющие. Следовательно, применение этих терминов в отношении того или иного древнего населения является утверждением о том, что эти люди говорили на языке, принадлежащем соответствующей группе или семье.

В принципе, на этом можно было бы и поставить точку. Однако в исследовании этнической истории рассматриваемые здесь термины приобретают несколько иное звучание, что создает иллюзию наличия в них экстралингвистического значения. Природу этой иллюзии придется здесь также обсудить.

Определяя группу языков как *родственные*, мы имплицитно предполагаем, что это родство обусловлено присутствием в данных языках базовых элементов и структур, восходящих в конечном счете к какому-то реально существовавшему древнему языковому организму (относительно единому языку, массиву родственных контактирующих диалектов, несколькими родственными языкам с тесными ареально-генетическими связями и т. п.), который мы называем *праязыком*. Естественно, праязык в том или ином виде должен был выступать в роли родного языка и основного фактора самоидентификации для определенной этнической группы, которую принято называть *пранародом*. Языковое единство (хотя бы и относительное) необходимо должно было вести к интенсификации социально-культурных связей внутри пранарода (и, с другой стороны, оно отражало наличие таких связей), вследствие чего такая общность должна была обладать характерными особенностями культуры и в той или иной мере выраженным самосознанием, которое — в случае достаточно высокого уровня консолидации — могло быть выражено и в самоназвании. Следовательно, можно, как будто, говорить о германцах, индоевропейцах, уграх и т. д., имея в виду определенную **этническую** общность носителей праязыка.

Важно, однако, что после распада праязыковой общности бывшие социально-культурные связи между выделившимися из нее новыми коллективами прерываются, для каждого из них актуальными становятся новые «информационные поля», объединяющие порой с совершенно чужими изначально

группами, с которыми и происходит теперь обмен культурными достижениями. Общие черты культуры пранарода (равно как и, например, расовые особенности, заложенные в генотипе) не обязательно наследуются общностями-потомками параллельно с наследованием языка: механизмы передачи культурного (и генетического) наследия и языка различны³. Память о былом этническом единстве может сохраняться в течение многих столетий и время от времени актуализироваться во вторичных контактах и в этнополитических конструктах, но не препятствует возникновению резких культурных различий и границ⁴.

Следовательно, рассматриваемые термины могут в некоторой степени иметь этническое содержание лишь тогда, когда речь идет о еще сохранявшем единство пранароде, то есть корректно в этом смысле можно использовать только соответствующие слова с приставкой *пра-*: *праиндоевропейцы*, *прагерманцы*, *прафинно-угры* и т. п., имея в виду носителей соответствующего праязыка и связанного с ним культурного комплекса. Следует, правда, при этом иметь в виду, что если праязык в определенных его аспектах (например, некоторая часть лексического состава) может быть с известной степенью надежности реконструирован, то для реконструкции культуры пранарода главным является метод анализа праязыковой лексики, а других, не связанных с языком и языкознанием, методов никому на сегодняшний день разработать не удалось⁵. Это означает, помимо прочего, что наши представления о культурной специфике той или иной праязыковой общности дважды зависят от лингвистических штудий: поскольку мы выделяем эту общность по лингвистическому критерию и поскольку лингвистический материал лежит в основе наших реконструкций культуры этой общности. Поэтому «этнокультурное» содержание термина *прауральцы*, например, является как минимум дважды вторичным по отношению к его лингвистическому содержанию. После же распада праязыкового единства, когда речь идет о группах отдельных народов, объединяемых только общностью истории их языков, рассматриваемые термины имеют исключительно лингвистический смысл.

Впрочем, с уграми сложилась весьма интересная ситуация. Как уже сказано выше, теоретически допустимо, что степень этнической интеграции общности носителей того или иного праязыка может быть настолько высокой, что это найдет отражение в самоназвании носителей праязыка. Во многих случаях такое развитие событий подтверждается историческими данными. Так, носители восточнославянского праязыка называли себя *русьские люди*, носители романского праязыка — *romani*, носители индоиранского праязыка, вероятно, использовали название *arya* если не в качестве эндоэтнонима, то, по крайней мере, как название социальной группы, игравшей ведущую роль в обществе. В ряде случаев нам удастся реконструировать самоназвания носителей праязыков, о которых у нас нет непосредственных письменных свидетельств. Типичный случай такого рода — самоназвание носителей славянского праязыка **slověne*. С другой стороны, едва ли мы будем когда-либо знать, как называли себя (и называли ли вообще одним именем) носители германского, кельтского, пермского, прибалтийско-финского, тюркского⁶ и многих других праязыков.

Самоназвание носителей угорского праязыка реконструируется совершенно надежно: **mańś* (> венг. *mad'* - в *magyar* 'венгр', манс. (С) *mańśi* 'манси', хант. (С) *məs'* 'мифический народ *Мось*, предки одноименной фратрии в составе северных хантов'). Это свидетельствует о достаточно высоком уровне этнического самосознания праугров-манче и, следовательно, говорит в пользу возможности поисков следов существования этой этнической общности в археологическом материале: в случае если удастся доказать, что какие-то археологические памятники были созданы прауграми-манче, можно вполне корректно говорить об *этнической* принадлежности оставившего эти памятники населения. Обычно же, когда в археологической литературе пишут об «этнической принадлежности» населения, на самом деле речь идет и может идти только о его *языковой* принадлежности, поскольку, как было сказано выше, для обозначения «этнических» общностей употребляются исключительно лингвистические термины. Однако и в случае с прауграми-манче следует иметь в виду, что речь идет не о некоей «чисто этнической» (не имеющей отношения к языку) общности, а прежде всего — об общности носителей определенного праугорского *языка*.

Если же речь идет о времени, когда угорское праязыковое единство уже распалось (произошло это никак не позже середины I тыс. до н. э.), название *угры* означает только общность этнических групп,

объединяемую исключительно родством их языков. Поэтому, употребляя в этноисторических построениях слово *угры* применительно к концу I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. (то есть заведомо к периоду после распада праугорского единства), исследователь, независимо от его личных интенций, должен понимать, что он пользуется *лингвистическим* термином, вынося таким образом суждение в первую очередь и только *о языке* древнего населения (относя этот язык к угорской группе)⁷. Следовательно, такая аттестация должна находиться в соответствии с лингвистическими данными.

В связи со сказанным я предпочитаю воздерживаться от употребления слов *этнос*, *этнический*, говоря об интерпретации археологического материала, и веду речь только о языковой проблематике. Призываю и коллег следовать этому осторожному принципу⁸. Утверждение об идентичности создателей того или иного памятника, например, с прауграми-манче в *этническом* смысле подразумевает двойное допущение: мы не только берем на себя смелость утверждать, что эти люди говорили на угорском праязыке, но и предполагаем, как они себя на этом языке называли. И это — не имея ни единого реального (письменного) свидетельства! Еще раз подчеркну: *этническая* принадлежность населения может находить выражение только в *этнониме* (внешнем или в самоназвании — не принципиально), и хорошо, когда мы (как в случае с прауграми, праславянами и др.) этот этноним знаем. Но такие термины⁹, как *угры*, *самодийцы*, *пермяне*, *индоевропейцы*, *германцы* и др., в строгом смысле слова *этнонимами не являются* (см. выше), следовательно, их применение к древним создателям археологических памятников не может служить для установления их этнической принадлежности.

Я далек от того, чтобы отрицать, что различия и сходства материальной культуры древнего населения, восстанавливаемые по археологическим памятникам, могут отражать древние языковые границы и общности. Однако прямой связи между этими явлениями быть не может. Как показывает опыт, полагаться в этом вопросе на так называемые археологические «этнизирующие признаки» совершенно невозможно даже в случае, когда мы имеем дело с огромными по объему материалами очень богатых культур. Едва ли когда-нибудь стало бы возможным с уверенностью говорить о языковой дихотомии «западного» и «восточного» гальштатта, если бы у нас не было памятников палеобалканских языков; никто не осмеливался и думать об индоевропейском языке хеттов до открытия Бедржиха Грозного; когда Майкл Вентрис прочитал микенские таблички линейного письма В по-гречески, это стало настоящим шоком для большинства исследователей. И это — не единичные примеры, а отражение правила.

Весьма показательным является пример, связанный с расшифровкой в 20–50-х годах XX века иберской письменности и началом чтения кельтиберских надписей античной Испании. Еще в начале XX века присутствие кельтов негалльского происхождения на Пиренейском полуострове практически отрицалось, поскольку распространение кельтской речи однозначно связывали с латенской археологической культурой, которая в Испании и Португалии почти не представлена. Никакие свидетельства античных авторов и ономастики при этом не считались достаточными в сравнении с отсутствием пресловутых «этнизирующих признаков». Сопоставьте с этим реальную картину распространения кельтской речи на полуострове во II в. до н. э., в соответствии с современными данными, которую можно видеть на рисунке 1.

В 1970 году при раскопках в городе Боторрита в 18 км юго-западнее Сарагосы испанский археолог Антонио Бельтран нашел бронзовую табличку размерами 40 × 10 см, написанную иберским письмом. Этот документ был воспринят как иберский не только в силу происхождения письменности, которой он был написан, но и потому, что Боторрита раскапывалась как неизвестный иберский город, сожженный в период римских гражданских войн в середине I в. до н. э., на что указывали чисто иберские жилища, украшения, предметы быта и, конечно же, керамика. Через несколько лет были опубликованы прочтения текста таблички, и стало ясно, что написана она целиком по-кельтиберски и на сегодняшний день является крупнейшим и интереснейшим памятником этого языка¹⁰. Это, однако, ничуть не поколебало уверенности археологов в иберской языковой принадлежности населения античного города.

В 1979 году была найдена вторая табличка из Боторриты, написанная уже на латыни. Текст представляет собой решение судебной коллегии города Contrebia Belaisca по поводу земельного спора. Таким образом, идентификация современной Боторриты с античным кельтиберским городом Contrebia Belaisca, предполагавшаяся ранее лингвистами и историками, получила подтверждение. Замечательно, что все имена членов коллегии, включая названия их родовых групп, — исключительно кельтиберские.

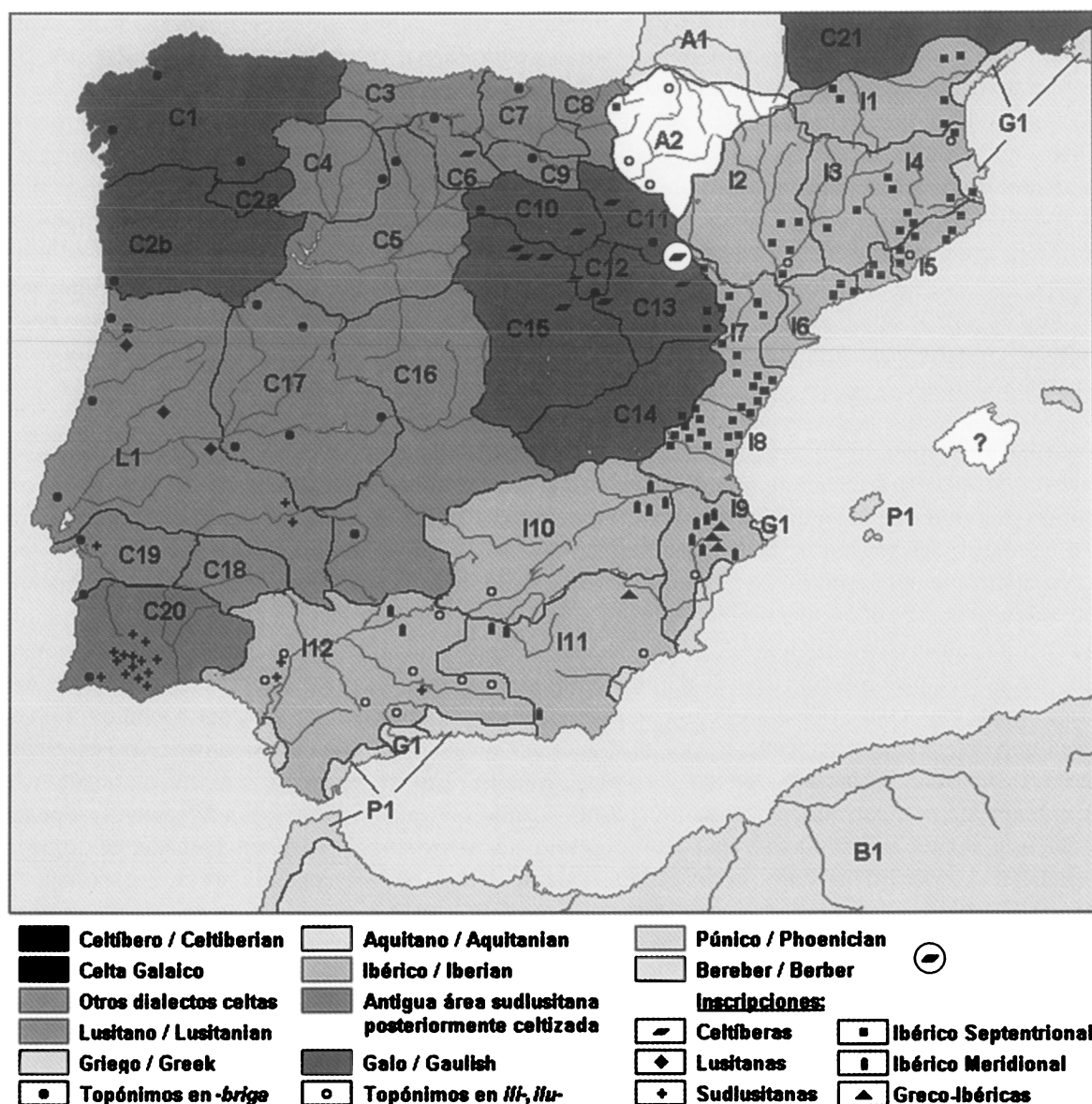

Рис. 1. Дороманские языки Пиренейского полуострова
(режим доступа: http://es.wikipedia.org/wiki/Imagen:Prehispanic_languages.gif
Использование материалов Википедии в данном случае вполне корректно, поскольку данная карта отражает действительные современные научные представления)

Подробная легенда дана на карте:

Ареал неиндоевропейских языков: иберского (литера I) и аквитанского (литера A), а также берберских и финикийского — показан более светлым цветом, индоевропейских: кельтиберского и других кельтских (литера C), лузитанского (литера L), а также греческого — более темным. Светлым кружком со значком кельтиберской надписи обозначена Боторрита

На сегодня известно еще две таблички из Боторриты, написанные по-кельтиберски, и не подлежит сомнению, что в этом кельтиберском городе жили кельтиберы, говорившие по-кельтиберски, однако некоторые археологи продолжают настаивать на иберской версии¹¹.

К сожалению, у нас нет надежды найти в Предуралье письменные памятники тысячелетнего возраста. Но, может быть, не следует строить скоропалительные гипотезы, основанные исключительно на вере в этноисторическую самодостаточность археологического материала, лишая тем самым истории целые древние народы и создавая препятствия реальному исследованию этнической истории региона? Установление связи между археологическими памятниками и той или иной языковой общностью во многих случаях возможно, но оно не может базироваться на простом перечислении произвольно определяемых «этнизирующих признаков» и отрицании очевидных фактов, полученных независимыми и проверенными вековой практикой методами наук, лежащих за пределами понимания того или иного исследователя.

Обратимся теперь к проблеме древнего присутствия угров в Предуралье. Предположение о массовом участии угорского населения в формировании культур Прикамья и Предуралья I тыс. н. э., создатели которых так или иначе вошли затем в состав пермских народов, находится в разительном противоречии с данными языкознания. Наблюдаемая картина взаимоотношений пермских и угорских языков и культур практически не позволяет говорить о каком-либо угорском (будь то праугорское, древненеугорское, обскоугорское или древнемансийское) влиянии на пермян: выявленные на сегодняшний день обскоугорские заимствования в коми языке весьма немногочисленны (чуть более двух десятков, учитывая очень локальные диалектизмы), и лишь единицы их присутствуют в большинстве коми диалектов¹². В удмуртском языке обскоугорских заимствований обнаружить не удастся вообще (об угорско-пермских параллелях более древнего уровня и ономастическом материале см. ниже). Это означает, что южная часть пермян, языковые предки удмуртов, никогда (ни на прапермском, ни на более позднем уровне) не вступали в контакт с обскими уграми — либо контакт этот не имел исторически релевантного значения для их языка и культуры. Естественно, абсолютизировать данный вывод не стоит — нельзя исключать, что хотя бы какие-то из сепаратных пермско-(обско)угорских лексических параллелей могут быть в будущем переинтерпретированы не как общее прафинно-угорское наследие, а как заимствования в прапермский, но на современном уровне развития языкознания никаких оснований предполагать обскоугорское влияние в общепермском или удмуртском языке не существует.

С другой стороны, совершенно очевидны следы мощнейшего пермского влияния в обскоугорских языках, проникшего во все слои лексики и все диалекты обоих языков, при этом многие пермизмы попали и в хантыйский, и в мансийский языки. Значительное количество заимствований охватывает все диалекты обскоугорских языков, в том числе — южные мансийские и восточные хантыйские. В целом пермизмы в обскоугорских языках представлены следующим образом: в мансийском языке всего 338 пермских заимствований, из них во все диалектные группы проникли 38 (при этом в северномансийских диалектах — всего 288, в восточномансийских — 142, в западномансийских — 137, в южномансийских — 47 пермизмов); в хантыйском языке всего 469 пермских заимствований, из них во все диалектные группы проникли 75 (при этом в севернохантыйских диалектах всего 295, в южнохантыйских — 185, в восточнохантыйских — 122 пермизма)¹³.

Естественно, большинство пермизмов представлено в северных обскоугорских диалектах, и отражают они относительно позднее, русского времени, влияние коми на обских угров (сюда относятся, например, христианские и связанные с культурой нового времени и административным управлением термины типа 'крест', 'книга, бумага', 'подать', 'тамга', 'пай', 'корова', 'свинья', 'печь', 'замок' и т. д.). Однако даже приведенные здесь чисто количественные и ареальные показатели едва ли позволяют ограничивать пермское влияние на обскоугорские языки исключительно русским временем. В ряде случаев следует предполагать достаточно раннее время или нетривиальный (не собственно коми) источник заимствования.

В частности, среди пермизмов имеются ключевые религиозно-мифологические термины мансийской и хантыйской традиции, которые едва ли являются продуктом позднейшей эволюции периода русской

колонизации Сибири. Сюда, например, можно отнести термины медвежьего культа в хантыйском языке — табуированные названия самого ‘медведя’ (← коми *majbir* ‘счастливый’, ср. значение в к.-язв. ‘большой и сильный’, которое, скорее, лежит в основе хантыйского слова) и частей его тела: ‘шерсть медведя’ (← коми *gen*), ‘спина медведя’ (← коми *śur* ‘хребет’), ‘жир на спине и кишках медведя’ (← коми *vir-jaj* ‘плоть’) и др., использовавшиеся во время медвежьего праздника вместо нормальных хантыйских слов для того, чтобы отвести гнев духа медведя на иноплеменников (заметим, что в этой роли мыслились не русские и татары, а коми).

Неучтенный в работах Ю. Тойвонена и К. Редеев важный религиозный термин манс. (С) *jir* (С, 3, В — для краткости здесь и далее приводится, как правило, одна мансийская и одна хантыйская форма и указываются диалектные группы, где данное слово представлено)¹⁴ ~ хант. (Каз.) *jīr* (С, В, Ю)¹⁵ ‘кровавая жертва’ происходит, видимо, от ППерм. **jūr* ‘голова’ (> коми *jur* ~ удм. *jīr*), причем в обскоугорских языках отражена, скорее, прапермская фонетика и значение, незафиксированное в коми языке, но весьма органичное для удмуртской народной религии: удм. *jir-pid šoton* ‘вид поминальной жертвы’; букв. ‘давание головы и ног’.

Интересную судьбу имеет ППерм. **ort* ‘духовная сущность, обеспечивающая нормальную жизнь человека, животного, функционирование предмета’ > удм. *urt* ‘тж’ ~ коми *ort* ‘душа-двойник, показывающаяся человеку перед смертью’: видимо, оно было дважды заимствовано в обскоугорские языки. Более поздним заимствованием является хант. (Каз.) *vurt* ‘дух умершего, привидение’ (С, В, Ю) ~ манс. (С) *ūrt* (С, 3, В) ‘крылатый дух, предсказывающий криком смерть человека’ — семантика обскоугорских слов практически совпадает с коми, но фонетика отражает, скорее, пермскую праформу типа **urt*, а не коми *ort*. В плане определения пермского источника как отличного от близкого к современному коми ср. еще хант. (Ю) *χātaj-ūr-woja* ‘летучая мышь’ (букв. ‘мертвого *урма* зверь’)¹⁶, не имеющее, кажется, параллелей в коми языке, но точно соответствующее удм. *urtkič* ‘летучая мышь’ (этимологически означало букв. ‘орел / птица *урма*’). Более ранним заимствованием этого же понятия из пермского источника является хант. (Каз.) *wort* (С, В, Ю) ‘богатырь, эпический герой, князь; дух-охранитель, хозяин местности; начальник, старшина’ (манс. (С) *ūrt* ‘князь’ заимствовано, в свою очередь, из хантыйского)¹⁷. Здесь, судя по вокализму, можно предполагать праформу **ort* или даже **art*, но при этом семантика отражает уже не значение ‘дух, привидение’ и т. д., которое развилось в позднейшем коми языке, а сложную концепцию духовной сущности, обеспечивающей «норму», духа-покровителя, восходящую, в конечном счете, к понятию ‘закон, правда, истина’, которое имел арийский источник прапермского слова (авест. *aša*, др.-инд. *rta*)¹⁸.

Из пермского источника заимствованы имена по крайней мере двух важнейших персонажей обскоугорской «высокой» мифологии. Во-первых, это название духа-хозяина нижнего мира: манс. (С) *kul* (С, 3, В) ~ хант. (Об.) *kul* (С, Ю) ‘злой дух, дьявол’ ← коми *kul* ‘тж’, удм. *kīl* ‘заразная болезнь’. Во-вторых, это имя богини-покровительницы деторождения, определяющей срок человеческой жизни, жены небесного бога и матери бога-покровителя людского рода хант. (Сыня) *kāltaś-aŋki* (С) ~ манс. (С) *kaltés-ēkwa* (С, 3), которое является частичной калькой с имени пермского божества плодородия, сохранившегося в удмуртской традиции как *kīldišiñ* < *kīldiš* — имя деятеля или активное причастие настоящего времени от основы *kīld-* ‘творить(ся), быть предопределенным судьбой’ (эта часть пермского теонима была полностью заимствована в обскоугорские языки) + **ēñ* (ср. удм. *añi* ‘бабка (укладка снопов)’ ~ коми *añ* ‘(взрослая, почтенная) женщина’, *eñ(ka)* ‘свекровь’) — эта часть композита была переведена хантыйским *aŋki*, (Шеркалы) *īmā* и мансийским *ēkwa* ‘(почтенная) женщина, старшая родственница, мать, бабушка’. В коми языке рассматриваемый здесь пермский теоним никаких реликтов не имеет (за исключением, может быть, весьма отдаленного *kīltes-pas* / *kīldas-pas* ‘родимое пятно’), следовательно, заимствование должно быть определено как достаточно старое.

Имеются и другие заимствования, указывающие на пермский источник, отличный от собственно коми языка. Например, манс. (С) *solwél* ‘соль’ ~ хант. (Каз.) *сӧл* (С, В, Ю) ‘соль’, скорее, фонетически связано не с коми *sov* (*sol-*), а с удм. *śilal* ‘соль’. Интересно название ‘моря’ в обскоугорских языках: хант. (Каз.) *śārās* (С, В, Ю) ~ манс. (С) *śāriś* (С, В, 3) ‘море; открытое большое болото’. Это слово явно заимствовано из пермского (в пермском — из арийского), причем древняя специфика значения

коми слова в обскоугорских языках не нашла отражения: коми *sariž* ‘теплые страны, куда летят птицы; море’ ~ удм. *zarež* ‘море’. Поскольку другие обозначения ‘моря’ в обскоугорских диалектах либо заимствованы из русского, либо обозначают изначально ‘Обь’ и ‘низовья реки’¹⁹, а венгерское *tenger* ‘море’ заимствовано из тюркских, ясно, что праугры едва ли имели какое-либо представление о море, и можно высказать предположение, что обские угры проникли на север, в районы, близкие к Северному Ледовитому океану, позже пермян, из языка которых они и заимствовали основное обозначение этого нового для них географического объекта. Следовательно, и ранние контакты между пермянами и обскими уграми нужно локализовать не на западе, в Приуралье, а на севере, в низовьях Оби (ср. преимущественное распространение пермизмов именно в северных диалектах обскоугорских языков). Это предположение согласуется с гипотезой об ассимиляции в XIV–XVI веках обскими уграми, пришедшими с юга, и частично пермянами, проникавшими в низовья Оби с XI века, населения неизвестной языковой принадлежности, абorigенов крайнего северо-запада Западной Сибири, известных в русских источниках под именем Югра²⁰.

Весьма показательны в плане культурной и этнической истории названия многих металлов в обскоугорских языках: манс. (С) *jēmtān* (С, З, В) ‘сталь’ ← коми *jēmdon* ~ удм. *andan* ‘сталь’ (← иран.: осет. *ændon*); манс. (С) *aryēn* (С, З, В) ‘медь’ ← коми *irgen* ~ удм. *irgon* ‘медь’ (← иран.: осет. *ærx* у); манс. (С) *sorñi*, (С, З, В) ~ хант. (Каз.) *sorñi* (С, В, Ю) ‘золото’ ← коми, удм. *zarñi* ‘золото’ (← иран.: осет. *zærin*). Обратим внимание на иранский (достаточно поздний, скорее всего — средневековый, близкий к аланскому) источник всех трех слов.

В обскоугорском фольклоре при описании драгоценных предметов и сказочных персонажей постоянно встречаются парные эпитеты типа манс. (С) *šopër*-СЕРЕБРО, *kami*-СЕРЕБРО²¹ (вероятно, заимствовано из хантыйского) ~ хант. (Каз.) *šōpər*-МЕТАЛЛ, *kami*-МЕТАЛЛ, (Тром.) *šapər*-МЕТАЛЛ, *kām*-МЕТАЛЛ²². Значение слов **šapər* и **kām* в этих конструкциях неясны. Помимо металлов, эти эпитеты могли применяться к различным территориям, героям и т. д., и В. Штайниц полагал, что первоначально это были имена собственные²³. В текстах медвежьей церемонии эти эпитеты употребляются так же, как и названия иноплеменников, именем которых прикрываются убивающие медведя участники праздника²⁴. Таким образом, не исключено, что перед нами какие-то старые этникины, и наиболее очевидными их прототипами кажутся *Сибирь* (Сибирское ханство — здесь, впрочем, есть альтернативные этимологии и сложности) и *Кама*. В названиях металлов эти эпитеты могут отражать два основных источника поступления изделий из драгоценных металлов к обским уграм. При этом важно, что, при принятии этой гипотезы, *Кама*, как и *Сибирь*, была в глазах обских угров чужой территорией с иноплеменным населением.

Еще два названия металлов позволяют перейти к рассмотрению вопроса о более ранних пермскоугорских взаимоотношениях. Во-первых, это название ‘свинца’ и ‘олова’: манс. (С) *ātweś* (С, З, В, Ю) ‘свинец’ (< **āθ-wes*) ~ коми *ozjś*, удм. *uzveś* ‘свинец, олово’ (< **os-ves*). По-видимому, эти слова являются общей инновацией в мансийском и прапермском языках и восходят к какому-то композиту типа **ōs-weś* ‘светло-серый металл’ (ср. венг. *ősz* ‘седой’) или **ās-weś* ‘закаливающий / легирующий металл’ (ср. обскоугорское **āt-* ‘закаливать’ > манс. (Конда) *āt-*, хант. (В) *āt-* и др.²⁵). По фонетическим критериям заимствование из мансийского в прапермский едва ли возможно, а обратное — не исключено (хотя, скорее, речь должна идти о параллельном развитии в родственных языках в рамках единого культурного ареала); следовательно, и на этом, более раннем, хронологическом срезе не приходится говорить об обскоугорском влиянии на пермский.

Второе слово — название ‘серебра’ — объединяет пермские языки уже не с обскоугорскими, а с венгерским: венг. *ezüst* ‘серебро’ ~ коми *ezjś*, удм. *azveś* ‘серебро’. Поскольку в пермском слове видят старый композит, подобный рассмотренному выше названию ‘свинца’ и ‘олова’, венгерское слово квалифицируется как пермское заимствование²⁶. Для проблематики данной статьи этого было бы достаточно, но ряд обстоятельств, которые требуют рассмотрения в отдельной работе, указывает на то, что и пермское, и венгерское слово следует, скорее, считать независимыми заимствованиями из аланского **āzvēst* (*ā*) > осет. *ævzīst* / *ævzestæ* ‘серебро’.

Вообще, пермские языки обнаруживают с угорскими, точнее, в основном с венгерским некое количество общих инноваций в фонетике и морфологии: деназализация (развитие типа

*-NT- > -D-), появление звонких смычных в начале слова, инфинитив на *-ni* (в пермском) ~ *-ni* (в венгерском), выработка сходных «застывших» форм глагола 'быть': удм. *vañ* ~ венг. *van* 'есть, имеется' (ср. ф. *on*), удм. *val* ~ венг. *vala* 'было' (ср. ф. *oli*) и др. Хотя некоторые из этих инноваций интерпретируются как случайные результаты параллельного развития, многие из них едва ли могут быть объяснены иначе, нежели результат древних контактов (ареально-генетических связей, в терминологии Е. А. Хелимского) между пермским и угорским праязыками, и среди праугорских диалектов наиболее тесные связи с пермским имелись именно у довенгерского²⁷. Кроме того, имеется и изрядное количество сепаратных лексических схождений, которые, однако, трудно интерпретировать как заимствования. Из трех слов, которые К. Редей считал возможным рассматривать именно как заимствования, как следы контактов прапермского с правенгерским, одно ('серебро') рассмотрено выше и является, скорее всего, сепаратным заимствованием из иранского. Два же других слова безусловно свидетельствуют о заимствовании из прапермского (точнее, из южных, доудмуртских его диалектов) в правенгерский: венг. *küszöb* 'порог' ← удм. *es kusip* 'порог', букв. 'дверной промежуток / дверная связка' (в удмуртском слово *kusip* имеет более широкое значение, значение 'порог' появляется лишь в данном контексте); венг. *kenyér* 'хлеб' ← удм. *keñir*, (Каз.) *keñer* 'крупа' ~ коми *kenetmi* 'земля (ми) для посева' (-*ny*- в венгерском указывает на источник, близкий фонетически, скорее, к позднему удмуртскому *keñir*, в пермском — значение слова опять-таки более общее).

Таким образом, нет лингвистических фактов, на основании которых можно было бы говорить о сколько-нибудь заметном субстратном, контактном или суперстратном влиянии угорских языков на пермские ни на праугорском, ни на обскоугорском, ни на правенгерском уровне. С другой стороны, очевидно, что пермские языки оказывали влияние как на правенгерский, так и, в особенности, на обскоугорские языки.

Аналогичным образом нет никаких оснований предполагать бывшее пребывание угорского населения к западу от Урала и на основании данных ономастики. Исключением являются хорошо известные по историческим документам районы обитания манси в XVI–XVIII веках в восточной части современного Пермского края (западной границей их расселения была, по-видимому, Кама в ее среднем течении и Печора — в верхнем) и опять-таки отраженные в письменных источниках (сообщение брата Иоанна) и венгерской средневековой псевдоисторической традиции вероятные следы пути венгров с их западносибирской прародины через южное Предуралье, Башкирию, нижнее Прикамье и среднее Поволжье на запад²⁸. Здесь не имеет смысла подробно разбирать «гипотезы» разных авторов об «угорской» или, тем более, «угро-самодийской» топонимии Восточной Европы — этот разбор проведен мною давно и трижды опубликован²⁹. Дальнейшая дискуссия на эту тему совершенно лишена смысла: все сочинения такого рода являются иногда добросовестными заблуждениями, а в 80 процентов случаев — плодом исключительного невежества и дикости (последнее в особенности относится к писаниям современных авторов). Что касается этнонимии, то наличие в составе центральных удмуртов родовых групп с названиями Эгра (< ППерм. **jögra*) и Пурга (< **porga*), которые все в тех же малограмотных сочинениях связываются с обскими уграми, во-первых, не может иметь отношения к обским уграм (и к прауграм, и к уграм вообще), поскольку оба этнонима могут быть связаны только с названиями *доугорского* аборигенного населения северо-запада Западной Сибири; во-вторых — даже в случае их сибирских, в конечном счете, истоков, — они являются результатом поздних миграций в пермской среде, и вопрос об их происхождении не требует привлечения обскоугорских материалов³⁰.

К сожалению, топонимия Прикамья и среднего Поволжья практически не изучена. Почти все, что продуцируют местные авторы, позиционирующие себя в этой сфере, настолько плохо, что только запутывает дело и никак не может быть использовано в палеоисторических штудиях. Однако по окраинам региона идут зоны, охваченные нормальными топонимическими исследованиями (Урал, Русский Север, Центр Европейской России). Частично к одной из этих территорий примыкает и бассейн Камы. При уже отмеченном отсутствии здесь древней угорской топонимии, в среднем и верхнем Прикамье, на территории по крайней мере от бассейна Тулвы на юге и по крайней мере до Чердыни (бассейн Колвы) на севере, наличествует пласт гидронимов на *-ва*, которые, по всей вероятности, являются пермскими по происхождению³¹. По-видимому, это — единственный топонимический ареал, который

может претендовать на роль прапермского. Еще один ареал гидронимии архаичного пермского облика — область речных названий на -юг, находящаяся на северо-западе Кировской, востоке Вологодской и Костромской и крайнем юге Архангельской областей, но здесь речь идет, скорее, о каком-то особом пермском (прапермском – ?) диалекте, который не был полностью охвачен важнейшей общепермской инновацией — отпадением ауслатных смычных (допермское *juka > ранее ППерм. *juk / *juу (эта форма отражена в гидронимах на -юг) > ППерм. *ju > коми ju ‘река’) — и который я бы сегодня предпочел называть *парапермским*.

Примерное соотношение ареалов пермской и мансийской субстратной топонимии в Прикамье показано на карте (рис. 2). Ареал гидронимов на -ва в значительной степени совпадает с прапермским экологическим ареалом и, по-видимому, маркирует район поздней пермской прародины в среднем Прикамье³². Распад прапермской общности был связан с возникновением в среднем Поволжье первого государства, Волжской Булгарии, и с соответствующим движением части пермян, предков удмуртов, на юг, в пределы этого государства, а другой части, предков коми, — на север, на территории, свободные от булгарского влияния³³. Именно в это время происходит распространение в Предуралье древнемансийского населения (археологически отраженное в постпетрогромских памятниках), предел которому по Каме был положен, по-видимому, организацией там булгарских городков-факторий типа Анюшкара, Рождественского, Иднакара и др. При этом прикамские пермяне (часть предков коми-пермяков) находились в границах булгарского военно-политического контроля и не слишком тесно контактировали с манси. Позднее, уже в русскую эпоху, пермское население частично возвращается в верхнее Прикамье и продвигается дальше, в Сибирь, а контакты его с обскими уграми носят преимущественно односторонний характер: культурное влияние идет с запада на восток. Такая схема объясняет обрисованную выше лингвистически фиксируемую картину взаимоотношений обскоугорских и пермских языков.

Как бы то ни было, общий вывод может быть только один: на сегодняшний день нет никаких оснований говорить о сколько-нибудь заметной роли угорязычного (будь то праугры-манче, носители древних обскоугорских диалектов, правенгры или манси) населения в этнической истории Прикамья и среднего Предуралья (кроме указанных выше эпизодов). Этноисторические процессы конца железного века и средневековья на этих территориях определялись взаимодействием пермского, иранского, тюркского и — в позднейшую эпоху — русского языковых миров. Естественно, нельзя исключать участия и каких-то других групп, в том числе — и вовсе неизвестной языковой принадлежности, но «угорский фактор» едва ли мог когда-либо быть в числе первостепенных.

Сокращения

авест. – авестийский, венг. – венгерский, др.-инд. – древнеиндийский, иран. – иранский, к.-язьв. – коми-язьвинский, лат. – латинский, манс. – мансийский (В – восточный, Конда; З – западный, Пел. – Пелым; С – северный, Сев. Сосьва; Ю – южный, Тавда), нем. – немецкий, осет. – осетинский, ППерм. – прапермский, удм. – удмуртский, ф. – финский, хант. – хантыйский (В – восточный, Вас. – Васюган, Тром. – Тромьюган; С – северный, Каз. – Казым, Об. – Обдора; Ю – южный, Демьянка).

А ← В = А заимствовано из В; А < В = А происходит от В.

¹ Изначально *угры* — название венгров в славянских языках (в украинском сохранилось по сей день, в русском заменено польским заимствованием *венгры*), восходящее к общеславянскому **ogŭr*, которое, в свою очередь, происходит от тюркского племенного названия *onogur* (сходство слов *угры* и *Югра*, таким образом, представляет собой чистую случайность). Из славянских языков это слово дважды было заимствовано в немецкий и др. европейские — в средневековье в форме типа лат. *(H)ungari*, нем. *Ungarn* ‘венгры’ и в XIX веке — в виде рассматриваемого здесь научного термина: нем. *Ugrier* ‘угры’.

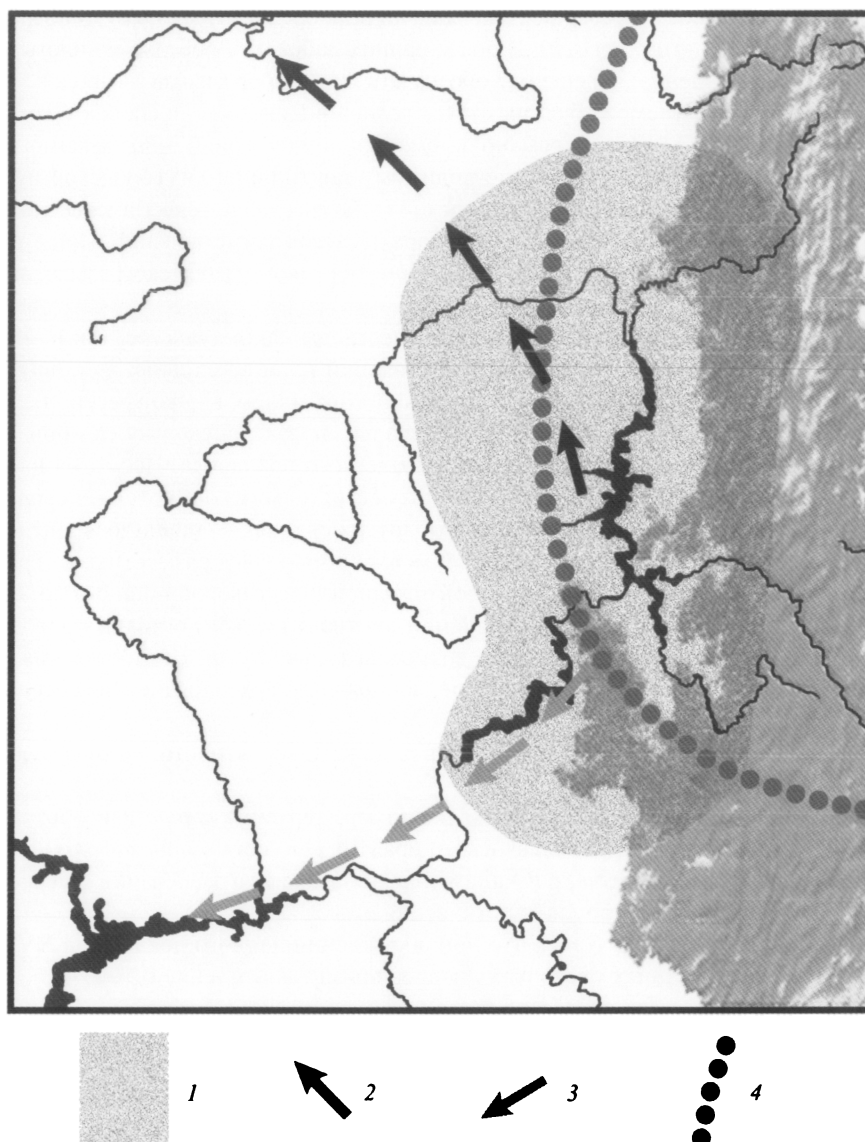

Рис. 2. Пермская и мансийская топонимия в Прикамье.

- 1 – примерный ареал субстратной пермской топонимии на -*wa*;
 2 – общее направление миграции предков коми с поздней пермской прародины в IX–XI вв.;
 3 – общее направление миграции предков удмуртов с поздней пермской прародины в IX–XI вв.;
 4 – западная граница субстратной мансийской топонимии и исторического расселения манси в XVI–XVII вв.

² По-видимому, окончательно свое современное значение он приобрел в трудах Отто Доннера в 1870–1880-х гг., написанных на немецком языке (*Ugrier, ugrisch*). В более ранних работах, а нередко и вплоть до конца XIX века (например, венг. *igor* у Йожефа Буденца), он еще мог обозначать иной набор языков и народов.

³ Типичный пример — так называемое «булгарское наследие» в Поволжье, в спорах о котором национально ангажированными деятелями бессмысленно сломано и ломается немало копий: «потомками» булгар в языковом отношении являются чуваша, не унаследовавшие, по-видимому, почти ничего из городской мусульманской культуры своих языковых «предков», а наследниками булгарской культуры являются казанские татары, в кыпчакском языке которых от булгарского осталась в лучшем случае пара десятков заимствований. При этом количество булгаризмов и вообще следов булгарского языкового влияния в нетюркском удмуртском языке, видимо, на порядок больше, чем в татарском.

⁴ Ср. идею славянского единства, дающую разнообразные плоды как в культуре, так и — в особенности — в идеологии и политике, но, безусловно, отступающую на задний план в условиях действия различных новых факторов (прежде всего, второго после языка этноформирующего комплекса — конфессионального).

⁵ Я считаю себя тем более вправе констатировать сей печальный факт, поскольку сам приложил в свое время немало усилий к реконструкции фрагментов мифологии уральского пранарода. Несмотря на то что результаты таких реконструкций выглядят порой многообещающими, два обстоятельства остаются непоколебимы: во-первых, реконструируются фрагменты все-таки не прауральской (в других случаях — праиндоевропейской, пратюркской и т. д.) культуры, а фрагмент древней культуры, который можно попытаться разместить во времени и пространстве, но едва ли возможно однозначно связывать с какой-то одной праязыковой общностью. Во-вторых, методы такой реконструкции (в отличие от методов реконструкции лингвистической) остаются довольно субъективными и несамодостаточными: верификация результатов возможна только путем сопоставления их с результатами других (лингвистических, генетических, в какой-то мере, возможно, и археологических) исследований в рамках единой исторической модели.

⁶ Этноним **türk* не является самоназванием пратюрков и, по всей вероятности, не является словом тюркского праязыка.

⁷ Аналогичным образом правомерно употреблять, например, термин *славяне* как обозначение этнической группировки, говоря об общности носителей славянского праязыка (то есть о *праславянах*) первых веков нашей эры. После же распада славянского единства, с началом славяно-аварского завоевания Балкан в VI веке, термин *славяне* постепенно приобретает уже сугубо лингвистический смысл.

⁸ В связи с этим не могу не упомянуть о том, что при обсуждении данного доклада на XVII Уральском археологическом совещании в высказываниях нескольких коллег прозвучало мнение о том, что «мы и не говорим о языке древнего населения, мы ведем речь только об этнической его принадлежности» (за точность цитаты не ручаюсь, но эта мысль была высказана как минимум дважды). К сожалению, недостаток времени, отведенного для дискуссии, не позволил мне зафиксировать это обстоятельство: если произнося слово «угры» коллеги допускают, что называемые ими так люди говорили, например, на иранском языке, то я готов снять все мои возражения и инвективы в их адрес. Боюсь только, что даже авторы цитируемого высказывания оценили бы такое допущение как полную нелепость, а мое предложение — соответственно, как издевательство: на самом-то деле исключительно лингвистический характер термина подспудно понятен и им.

⁹ Я имею в виду именно научные термины, а не слова соответствующих языков, от которых они происходят (украинское *угри* ‘венгры’, естественно, является этнонимом).

¹⁰ *Tovar A. Das Bronzetafel von Botorrita // Zeitschrift für celtische Philologie*, 34. – Berlin–Tübingen, 1975.

¹¹ По-русски история боторритских открытий и недоразумений изложена в: *Калыгин В. П., Королёв А. А. Введение в кельтскую филологию*. Изд. 2-е, доп. и испр. – М., 2006. – С. 59–60, 252–253.

¹² *Rédei K. Obi-ugor jövevényszók a zürjén nyelvben // Nyelvtudományi közlemények*, 66. – Budapest, 1964.

¹³ Здесь и далее, если нет особых ссылок, используются материалы классических работ: *Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen*. – Budapest, 1970; *Toivonen Y. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // Finnisch-ugrische Forschungen*, 32. – Helsinki, 1956. Естественно, цифры подсчетов условны, они базируются на работах Ю. Тойвонена и К. Редей, которые сегодня, безусловно, могут быть изрядно дополнены. Однако корректировки могут быть сделаны только в сторону увеличения объема пермизмов, и не подлежит сомнению, что общее их распределение по обскоугорским диалектам здесь отражено верно.

¹⁴ *Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch*. – Budapest, 1986. – С. 158.

¹⁵ *Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. – Berlin, 1956–1991. – С. 399–400.

¹⁶ *Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. – Berlin, 1956–1991. – С. 179.

- ¹⁷ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin, 1956–1991. – С. 177–179; *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Budapest, 1986–1991. – С. 18; *Toivonen Y.* Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // *Finnisch-ugrische Forschungen*, 32. – Helsinki, 1956. – С. 13.
- ¹⁸ Об арийских истоках этого слова и понятия и о его эволюции в пермском см.: *Напольских В. В.* Из удмуртской мифологии: этимологические этюды // *Пермистика*. Вып. 4. Ред. Кельмаков В. К. и др. – Ижевск, 1997.
- ¹⁹ *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. – Budapest, 1986. – С. 51, 275, 313.
- ²⁰ *Напольских В. В.* Йӧгра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // *Антропологический форум*, № 3. – СПб, 2005.
- ²¹ *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. – Budapest, 1986. – С. 189, 600.
- ²² *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin, 1956–1991. – С. 632–633, 1528–1530.
- ²³ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin, 1956–1991. – С. 633, 1529.
- ²⁴ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin, 1956–1991. – С. 632.
- ²⁵ *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus des ersten Silbe / *Bibliotheca Uralica*. Т. 6. – Budapest, 1982. – С. 130.
- ²⁶ *Rédei K.* Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen? // *Acta linguistica*. Köt. 19: 3–4. – Budapest, 1969.
- ²⁷ *Rédei K.* Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen? // *Acta linguistica*. Köt. 19: 3–4. – Budapest, 1969. – С. 326–332; *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. – М., 1982. – С. 19–20.
- ²⁸ *Матвеев А. К.* Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // *Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции*. Вып. 2. – М., 1961; *Матвеев А. К.* О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // *Труды Камской археологической экспедиции*. Вып. 4 / *Ученые записки Пермского университета*. Вып. 191. – Пермь, 1968; *Матвеев А. К.* К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // *Ономастика Европейского Севера СССР*. – Мурманск, 1982.
- ²⁹ *Напольских В. В.* «Угро-самодийцы» в Восточной Европе // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2001. – № 1 (5); *Напольских В. В.* «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: заблуждения и реальность // *Древнетюркский мир: история и традиции*. Мат-лы науч. конф. – Казань, 2002; *Napol'skich W. W.* "Ugro-Samoyeds" in Eastern Europe? // *Finnisch-ugrische Mitteilungen*. Bd. 24/25. – Hamburg, 2002.
- ³⁰ *Напольских В. В.* Йӧгра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // *Антропологический форум*. № 3. – СПб, 2005. – С. 21–25.
- ³¹ *Матвеев А. К.* Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // *Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции*. Вып. 2. – М., 1961.
- ³² *Белых С. К.* К вопросу о локализации прародины пермян // *Пермский мир в раннем средневековье*. – Ижевск, 1999.
- ³³ Подробнее см. *Напольских В. В.* Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // *История татар с древнейших времен в семи томах*. Том 2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006.